

КРИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ НАУЧНО-АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Филиппов Сергей Иванович,

кандидат философских наук,

заместитель директора по общим вопросам

Гуманитарного института Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

SPIN-код (РИНЦ): 4743-5183

AuthorID (РИНЦ): 113556

flippow07@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена объяснению распространенного в научно-академической среде в период позднего СССР (1960–1980-е гг.) критического отношения к некоторым аспектам внутренней и внешней государственной политики того времени. При этом мотивы недовольства этой социально-профессиональной группы существующим политическим режимом не выглядят очевидными, поскольку социальный и имущественный статус научно-академической интеллигенции, а также ее общественный престиж был одним из самых высоких среди социально-профессиональных групп советского общества. Восприятие критицизма советских ученых как формы борьбы с режимом представляется не совсем корректным, поскольку критически мыслящая советская научно-академическая интеллигенция не стремилась популяризировать свои общественно-политические идеи и привлекать сторонников из иных социальных групп, а обсуждение «сложных» политических и социально-экономических аспектов советской действительности проходило в рамках замкнутых сообществ. Кроме того, позднесоветской научной интеллигенции, в отличие от дореволюционной интеллигенции, была чужда идеализация «народа», чувство «вины» перед ним, а также идея беззаветного «служения народу». Советские ученые воспринимали себя в качестве элитной, даже аристократической группы, что нашло выражение в творчестве братьев Стругацких, в частности в повести «Трудно быть богом», главный герой которой – историк Антон, заброшенный в мрачное государство Арканар на далекую планету, «по совместительству» является аристократом доном Руматой Эсторским, виртуозно вла-

деющим мечом, пользующимся феноменальным успехом у женщин и способствующим прогрессу местного человечества. Элитная профессионально-социальная идентичность советской научно-академической интеллигенции конструировалась через практики престижного потребления и поведения и стратегии социализации, которые были альтернативны официальным советским нормам и правилам поведения. На самоидентификацию ученых как элитной группы советского общества оказали влияние социальные условия развития науки в СССР в 1950–1960-е гг., в частности, высокий престиж научной и академической деятельности, повышенные общественные ожидания от науки. Отмечается, что важную роль в этом сыграло создание особой среды для плодотворных научных исследований – относительно автономных научных центров, в которых ученые занимали привилегированное положение, а партийно-государственный контроль был несколько слабее в силу политико-административного статуса таких центров.

Ключевые слова: советская научно-академическая интеллигенция, русская либеральная интеллигенция начала XX в., элиты, лояльность, критическое отношение к политике государства, престижное потребление и поведение.

Библиографическое описание для цитирования:

Филиппов С.П. Критические настроения позднесоветской научно-академической интеллигенции в историческом и социокультурном контексте // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 2, ч. 1. – С. 68–85. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-68-85.

В среде позднесоветской интеллигенции, в особенности научно-академической, получило распространение критическое отношение к некоторым аспектам внутренней и внешней государственной политики того времени (преследование инакомыслия, чрезмерный идеологический и партийный контроль, отсутствие свободного обмена мнениями по ряду общественно значимых тем и др.), что находило выражение в коллективных и индивидуальных письмах, авторы которых выражали несогласие с теми или иными действиями власти, в чтении и распространении самиздата, в критических выступлениях в иностранных СМИ и, конечно, в неприязни к партийному чиновничеству, особенно местного и регионального уровней¹. Такие настроения и поступки советских деятелей науки и культуры воспринимались властью как проявления различной степени нелояльности по отношению к существующему строю: от «политической несозна-

¹ В воспоминаниях видных деятелей советской науки или связанных с ними людей (Г.А. Арбатов, Т.И. Заславская, О.Н. Марчук и др.) постоянно возникает мотив конфликта с секретарями обкомов и райкомов, членами ЦК КПСС, а также обращений к представителям высшей власти как защите от местной партбюрократии. По словам Т.И. Заславской, «одна из заслуг академика Лаврентьева, что когда он выбирал место для Академгородка, не последним соображением было – подальше от обкома партии» [18, с. 146].

тельности» до «разглашения совершенно секретных сведений, составляющих государственную тайну», что могло квалифицироваться как государственная измена².

На Западе советские ученые также зачастую изображались в качестве более или менее активных борцов с режимом. Исследователи советского правозащитного движения П. Реддоуей, А. Ротберг, М. Шатц [24, р. 28; 26, р. 326–327; 27, р. 140] утверждали, что ученые и писатели представляли собой два столпа диссидентского движения в СССР, и большая часть научной интеллигенции разделяла взгляды диссидентов, хотя многим не хватало смелости отстаивать свою позицию публично. Чем был обусловлен такого рода критицизм по отношению к государственному строю, обеспечивающему достаточно высокий общественный престиж и материальный достаток ученых?

Исследование причин критического отношения позднесоветских интеллектуалов к существующему в то время режиму представляется полезным с точки зрения изучения условий лояльности различных социальных групп по отношению к власти, поскольку в данном случае мотивы недовольства существующим политическим режимом не представляются очевидными, в отличие, например, от национальных или религиозных активистов или представителей многочисленной технической интеллигенции (позднесоветских инженеров), чей общественный престиж на протяжении 1970–1980-х гг. существенно снижался. Что касается научно-академической интеллигенции, то ее социальный и имущественный статус, а также общественный престиж был одним из самых высоких среди социально-профессиональных групп советского общества [20]. Когда академику и президенту Сибирского отделения Академии наук СССР М.А. Лаврентьеву понадобилось дополнительное финансирование в размере 2 млн рублей на развитие новосибирского Академгородка, он «просто пригрозил тогдашнему министру финансов, что сбросит его в овраг (беседа проходила во время пикника на природе). Чиновник выделил необходимые средства» [10, с. 137].

Вполне понятно недоумение американского социолога М. Гарселона, которого удивляло то, что в конце 1970-х гг. «наименее удовлетворенны-

² В разглашении государственной тайны в 1969 г. был обвинен, например, директор ИЭООН СО АН, член-корреспондент Академии наук А.Г. Аганбегян за издание и распространение доклада «Проблемы развития экономики северо-востока СССР на перспективу», содержавшего, по мнению Ю.В. Андропова, совершенно секретные сведения, составляющие государственную тайну. Тем не менее серьезных мер в отношении А.Г. Аганбегяна и его коллег не применили, ограничившись «проработкой» на нескольких заседаниях [3, с. 73]. Ситуация повторилась в 1983 г., когда доклад новосибирских экономистов о совершенствовании социалистических производственных отношений под грифом «Для служебного пользования» каким-то образом попал на Запад и был опубликован в США и ФРГ. А.Г. Аганбегян и Т.И. Заславская тогда получили выговор, но приобрели мировую известность [18, с. 86–88].

ми членами советского общества были те, кто получал от него максимум: жил в крупных городах, обладал лучшим жильем и образованием, занимал престижные профессиональные позиции, потреблял лучшие из доступных товаров» [23, р. 75].

Как правило, критические настроения научно-академической интеллигенции объясняются мировоззренчески-ценностными установками, составляющими ядро идентичности данной социально-профессиональной группы: успешные исследования возможны только в рамках открытого обсуждения, свободного обмена мнениями, бескомпромиссной критики. «Общественная деятельность была для них (ученых. – С. Ф.) естественным и органическим продолжением честной профессиональной работы. Достоинство подлинно свободного человека, честное и ответственное отношение к происходящему подразумевало, что при переходе из научной и частной жизни в общественную они принимали “правовую позицию” как единственно возможную, а из успехов и оружия оставляли себе только слово» [21].

Взаимосвязь профессиональной идентичности с критицизмом советских интеллектуалов, как будет показано далее, представляется оправданной, но видеть в этом критицизме прямое следствие дискурсивных практик, составляющих важный компонент профессиональной деятельности ученого, было бы явным упрощением. Наивно полагать, что интеллектуалы с превосходным образованием не в состоянии отделить те ситуации, в которых привычка ничего не ставить на веру и все подвергать сомнению уместна и необходима, от других, когда от чрезмерного критицизма лучше воздержаться. Исследователь культурной и интеллектуальной истории послевоенного СССР М.А. Рогачева, характеризуя взаимоотношения ученых с властью на примере поселка Черноголовка в 1960–1980-е гг., отмечает, что они «не использовали свою возросшую профессиональную автономию для того, чтобы требовать большей политической свободы, напротив, они молчаливо принимали “правила игры”, в соответствии с которыми могли пользоваться этой автономией при условии неучастия в активном протесте» [25, р. 151].

Еще одно распространенное объяснение критических настроений в среде ученых заключается в том, что государство сознательно терпело относительно свободный обмен мнениями среди людей науки, в том числе и по общественно-политическим вопросам, предоставляя определенную самостоятельность научным организациям, поскольку это способствовало эффективной исследовательской деятельности. «Привилегия физиков-теоретиков свободно выражать политические пристрастия в рамках закрытых “клубов” сознательно лоббировалась чиновниками атомного ведомства в кабинетах ЦК как необходимое условие их труда» [20, с. 173]. Как бу-

дет показано далее, советские научные центры и их жители действительно пользовались определенной автономией, но не по причинам идеологического характера, а в силу их особого политико-административного статуса и наличия противоречий между различными ведомствами и учреждениями, курировавшими научные центры.

Возможно, критическое отношение к власти советской научно-академической интеллигенции стало продолжением традиций общественно-политического активизма дореволюционной интеллигенции. Несмотря на социальные катаклизмы революционного времени и уничтожение прежних элит, достаточно большое количество советских ученых имело отнюдь не рабоче-крестьянское происхождение: 80 % успешных советских ученых (о которых есть статьи в энциклопедиях и справочниках), родившихся в 1920–1930-е гг., происходили из семей, относящихся к еще дореволюционному «культурному слою» [5]. Возможно, критицизм советской научной интеллигенции стал результатом мировоззренчески-ценностной преемственности от дореволюционных демократически настроенных интеллектуалов, основанной на внутрисемейной социализации.

Чтобы выяснить социальную природу и условия распространения критических настроений в среде научно-академической интеллигенции, сопоставим данную социально-профессиональную группу с дореволюционной политически активной российской интеллигенцией (партией кадетов). Общественно-политические взгляды и ценностные установки научно-академической интеллигенции в позднем СССР, представления о собственном месте в обществе (идентичности) в определенном отношении соответствовали взглядам, ценностям, идентичности позднеимперских политически активных интеллектуалов – конституционных демократов.

Советские интеллектуалы с активной жизненной позицией, за исключением радикальных диссидентов, рассматривали верховную власть или реформаторское крыло партноменклатуры в качестве своих союзников и основных субъектов общественных преобразований. Иногда и носители верховной власти (Н.С. Хрущев, Ю.В. Андропов, М.С. Горбачев) обращались за объективной экспертной оценкой социально-экономической ситуации в стране не к чиновникам или КГБ, а к представителям научно-академического сообщества. Именно так начиналась общественно-политическая карьера будущих постсоветских реформаторов – Е.Т. Гайдара и А.Б. Чубайса, членов Комиссии по совершенствованию управления народным хозяйством (1983–1985 гг.). Ю.В. Андропов поручает Т.И. Заславской подготовку доклада о социально-экономической ситуации в стране, позднее Т.И. Заславская становится советником М.С. Горбачева.

Существующие еще с 1970-х гг. политизированные клубы ученых и студентов, например «Молодые социалисты», уже в конце 1970-х гг. надея-

лись на сотрудничество с реформистским блоком правительства, который должен был появиться, по их мнению, в отдаленном будущем в результате кризиса существующей власти [17, с. 91]. Сходной стратегии демократических общественных преобразований придерживались и представители либеральной дореволюционной интеллигенции. Будучи сторонниками эволюционного пути преобразования общества, они были готовы идти на сотрудничество с наименее одиозными, по их мнению, представителями власти. Заметим, что в представлениях конституционных демократов начала XX в., изложенных в программной статье П.Н. Милюкова «От русских конституционалистов», опубликованной в первом номере журнала «Освобождение», надежды на предоставление политических свобод, основных прав и демократических институтов также связывались с доброй волей монарха [22, с. 20].

Как позднеимперские, так и позднесоветские интеллектуалы негативно относились к бюрократии, особенно среднего и низшего уровня: подготовку и проведение политической реформы следовало, по мнению Милюкова и его соратников, изъять из ведения бюрократии и передать в руки представителей учреждений местного самоуправления [22, с. 20], а крайне негативное отношение советских ученых (в том числе и находящихся на руководящих постах) к обобщенной «бюрократии» и «партократии» из обкомов и райкомов КПСС стало популярной идеологической платформой массового недовольства в период перестройки.

Тем не менее институциональные формы общественного активизма «старой» и «новой» критически настроенной интеллигенции существенно различались. Конституционные демократы проводили интенсивную агитационную работу среди различных социальных групп российского общества того времени, издавая обширную литературу, проводя публичные лекции, популяризируя либеральные идеи и позиционируя свою партию как общенародную (еще одно ее название было «Партия народной свободы») и даже «рабоче-крестьянскую» [22, с. 123]. Напротив, критически мыслящие представители советской научно-академической интеллигенции не стремились популяризировать свои общественно-политические идеи и привлекать сторонников из иных социальных групп, а обсуждение «сложных» политических и социально-экономических аспектов советской действительности проходило в рамках закрытых для посторонних сообществ единомышленников.

Постреволюционная научно-академическая интеллигенция отличалась от дореволюционной еще в одном важном пункте, составлявшем ядро мировоззренчески-ценностных установок последней. Статусные советские интеллектуалы, по-видимому, были лишены характерного для дореволюционной интеллигенции комплекса вины перед «народом» и стремления

беззаветного служения ему («пестовать и воспитывать политическое сознание народа», формируя у него «гранитное ложе конституционных навыков» – в этом видело свою миссию, например, кадетское руководство [22, с. 287]).

Представления об общественной роли советских ученых второй половины XX в. нашли свое выражение в произведениях братьев Стругацких, в частности, в повести «Трудно быть богом», увидевшей свет в 1964 г. и повествующей о драматичных приключениях сотрудника Института практической истории Антона в мрачном государстве Арканар, расположенном на планете с формами гуманоидной жизни, идентичными земной. За захватывающим сюжетом, разворачивающимся на далекой планете, просматриваются размышления авторов о роли науки и ученых в современном им земном (а точнее, советском) обществе. Миссия ученых определена уже в заглавии произведения. Они всемогущи, но предпочитают не вмешиваться напрямую в ход истории, «помогая» историческому прогрессу незаметно: распространяют среди местной аристократии элементарные правила гигиены, спасают хороших людей – «книжечеев», служат советниками при недалеких правителях. Антон «по совместительству» является аристократом доном Руматой Эсторским, виртуозно владеющим мечом, при этом никому не причиняя сколько-нибудь существенного физического вреда, (хотя, в конце концов, и у него сдают нервы).

Образ простого народа, представленного в основном городскими обывателями, малосимпатичен. «Простолюдины» легко внушаемы, невежественны, косны и инертны, безропотно подчиняются любой власти, склонны к предательству; отношение к ним дон Руматы (историка Антона), а также его коллег (других историков, работающих «под прикрытием») – покровительственно-брезгливое. Наиболее энергичные, харизматичные и решительные представители народа («профессиональный бунтовщик» Арата Горбатый) – безжалостные убийцы-фанатики. К числу положительных персонажей относятся местные интеллектуалы – упомянутые уже «книжечеев», а также представитель потомственной аристократии Арканара – благородный барон Пампа.

Ученые будущего из повести братьев Стругацких вполне соответствуют широко распространенным представлениям о людях науки, сложившихся в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. «Положительный физик поет под гитару, танцует твист, имеет любовницу, профессионально бьет по морде отрицательного физика, а в свободное время жертвует собой ради науки» – так характеризуется габитус советского ученого в книге «Физики продолжают шутить» (цит. по [1, с. 101]). Так же как и сотрудники Института экспериментальной истории, высокопоставленные организаторы науки в СССР 1960-х – 1980-х гг. покровительствуют гонимым «книжечеев».

чаям» своего времени – правозащитникам-диссидентам, предоставляя убежище в своих наукоградах и НИИ³.

Отметим, что образы «положительного физика» и Руматы Эсторского почти тождественны и воплощают традиционные представления о социальной элите – «праздном классе». Например, профессиональная деятельность «положительного физика» характеризуется не как обычная работа (он «жертвует собой ради науки» именно в *свободное время*), а как подвижничество – «молчаливо подразумеваемая связь физики с войной» [1, с. 101], что придавало фундаментальным исследованиям престиж традиционных аристократических занятий. Интересно, что даже во время уборки урожая в подшефном колхозе научные работники подчас не переодевались и не перевоплощались в тружеников полей. На одной любительской фотографии 1960-х гг., размещенной среди материалов курса «Радио Arzamas» «Как атом изменил нашу жизнь», запечатлен физик на уборке картофеля: «Ален Делон с цинковым ведром» – в шляпе, двубортном пиджаке, мягких широких брюках, что создает комический контраст с окружающими людьми в рабочих телогрейках [6].

Чем была обусловлена элитность советской научной интеллигенции, и как она была связана с ее критицизмом? На формирование самоидентификации ученых как элиты оказали влияние социальные условия развития науки в СССР в 1950–1960-е гг.: высокие общественные ожидания от науки и связанный с ними престиж научной и академической деятельности, а также создание особой среды для плодотворных научных исследований относительно автономных научных центров, в которых ученые занимали привилегированное положение. При этом «социальная структура новосибирского Академгородка носила четко выраженный иерархический характер: наиболее привилегированную часть его населения, которая проживала в комфортабельных коттеджах и пользовалась специализированным продовольственным и медицинским обслуживанием, составляла не партийно-государственная номенклатура, а академики, члены-корреспонденты, доктора наук, далее следовали научные работники рангом ниже. «Неученый» люд (обслуживающий персонал, строители, рабочие) был лишен доступа к спецраспределителям, многие проживали в деревянных неблагоустроенных бараках “нижней зоны” Академгородка (комфортабельные коттеджи и квартиры ученых располагались в “верхней зоне” – сама топонимика городка ученых отражает иерархическое устройство локального социума и напоминает скорее не коммунистическую утопию, а антиутопию Г. Уэлл-

³ В новосибирском Академгородке в 1968 г. на некоторое время находит убежище поэт и диссидент В. Делоне, принимавший участие в публичной правозащитной акции в Москве в 1967 г. В Черногоровке получает жилье и работу в качестве учителя астрономии известный правозащитник К. Любарский, активно продолжая правозащитную деятельность до своего ареста в 1972 г.

са или Ф. Ланга)» [19]. Причем самими учеными их преимущества воспринимались как вполне справедливые, но вызывали раздражение рабочих и строителей, что противоречит распространенному мифу об эгалитарной, демократичной и гармоничной утопии – «Республике Ученых» 1960-х гг. [2, с. 33, 34].

Очень высоким по меркам СССР уровнем жизни и представлениями о собственной исключительности отличались жители закрытых городов советского атомного проекта. Уровень заработных плат здесь был выше среднего в 1,5–2 раза, по качеству жизни (обеспеченность отдельным комфортабельным жильем, снабжение товарами и услугами, качество городской инфраструктуры и т. д.) «почтовые ящики» опережали соседние районные (а то и областные) центры на 8–10 лет. Не удивительно, что на партийной конференции одного из таких закрытых городов признавалось, что «условия нашего города избаловали всех жителей, мы воспитываем из них “барчуков”» [12, с. 57].

Еще одной особенностью советских научных центров была их автономия, поскольку в политико-административном отношении многие из них подчинялись непосредственно Москве и курировались ведомством госбезопасности (или Министерством среднего машиностроения СССР, в ведении которого находилась атомная отрасль страны). Режимные объекты пользовались экстерриториальностью по отношению к региональным партийно-государственным органам (даже просто о существовании подобного рода объектов знал ограниченный круг партийных работников, допуск на промышленные площадки имели только руководители «политотделов» – автономных (скорее, изолированных) парторганизаций, существовавших до 1956 г. в режимных городах, а также два первых лица местного обкома [20, с. 171]). Сложилась типичная для советского научного истеблишмента коммуникация с властью – прямая связь с ее верховными институтами и представителями, минуя всю иерархическую лестницу.

Не удивительно, что этот прямой канал коммуникации с верховной властью активно используется критически настроенными учеными. В 1968 г. 46 сотрудников СО АН и преподавателей НГУ подписывают письмо против нарушения гласности во время суда над московскими диссидентами, адресованное в Верховный суд СССР, Генеральному прокурору, Председателю Верховного Совета СССР, Председателю Совета Министров СССР, а также Генеральному секретарю ЦК КПСС [9, с. 233]. В 1973 г. работающий в Обнинске (Арзамас–16) выдающийся математик и физик, участник советского атомного проекта, орденосец и лауреат Сталинской и Государственной премий А.Н. Дмитриев пишет письмо Л.И. Брежневу с изложением собственных взглядов на некоторые аспекты внутренней и внешней политики СССР [11, с. 263, 264].

Мемуаристы и исследователи подчеркивают достаточно низкий авторитет и подчиненную роль партийной власти в научных центрах, созданных в СССР в послевоенное время. В Обнинске, например, «научное руководство адаптировало партийные механизмы для решения собственных задач, например, для создания «общественного мнения» [11, с. 172]. Руководство горкомов академгородков и «почтовых ящиков» укомплектовывалось, как правило, «выдвиженцами из своей среды». Нередко возникала ситуация, когда первым секретарем горкома назначался кто-нибудь из завлабов, и директор соответствующего института продолжал относиться к такому секретарю, как к своему подчиненному [11, с. 373].

Еще одной чертой, роднившей дореволюционную либеральную и позднесоветскую научно-академическую интеллигенцию, было то, что их элитный статус не выглядел безусловным, ведь политические амбиции, которыми обладали обе социальные группы, были трудноосуществимы⁴. Эта неопределенность нашла отражение в характерной для дореволюционной интеллигенции рефлексии о своей общественной роли, в ощущении «оторванности от корней», при этом «служение народу» как безусловный морально-нравственный императив стало основанием легитимации такой социальной группы. Саморефлексия, потребность определения собственного социального статуса и места в обществе была характерна также для советской научно-академической интеллигенции, но подобного рода «искания» получили иное выражение: не в качестве «служения народу», который советские интеллектуалы, за исключением «почвенников», вовсе не склонны были идеализировать, а через конструирование специфической, в том числе локальной (жителей «городов ученых»⁵), идентичности как особой элитной профессионально-социальной группы.

При этом определяющую роль играли институты и стратегии социализации, альтернативные официальным⁶. Участие в подобного рода сетях взаимодействий зачастую воспринималось как более престижное и предпочтительное, чем формальная карьера: «В Академгородке 60-х прослыть карьеристом было стыдно – и карьеристы маскировались под ученых», – вспоминают жители «таежной Атлантиды» В.А. Дорошенко, И.И. Коршевер и В.Э. Матизен [7]. Новосибирский Академгородок был в этом плане

⁴ Например, по мнению П.А. Капицы, Академия наук СССР должна была выполнять функции британской палаты лордов или Верховного суда США.

⁵ Как житель новосибирского Академгородка и сотрудник Новосибирского государственного университета, автор часто становится свидетелем (и участником) дискурсивных практик, воспроизводящих локальную идентичность, главная тема которых может быть выражена утверждениями: «Мы – другие», «К нам неприменимы общие мерки».

⁶ Партийная карьера для ученых из научных центров выглядела малоперспективной и ведущей в тупик. Зарплата секретаря горкома была значительно ниже, чем научного сотрудника статусного учреждения, а в местном обкоме партфункционеров из академгородков и «почтовых ящиков» воспринимали как чужаков, в Москве же все места были уже заняты [20, с. 177]

не уникален. Упомянутый выше автор письма к Л.И. Брежневу выдающийся математик и физик Н.А. Дмитриев так и остался кандидатом наук, отказавшись ходатайствовать о присвоении ему степени доктора наук, которую он мог получить без подготовки и защиты диссертации по совокупности публикаций, утверждая, что этот официальный статус равным счетом ничего не добавит к его статусу и репутации среди коллег и друзей. Основой такого рода неформальных сетей доверия часто становилось чтение и распространение «самиздата», организация концертов исполнителей со «спорным» репертуаром, а также художественных выставок, не совсем укладывающихся в нормы социалистического реализма (упомянем выставку художников-авангардистов и концерт А. Галича в новосибирском Академгородке в 1968 г.).

Но почему именно эти практики, весьма сомнительные с точки зрения лояльности по отношению к советской идеологии, следование которым могло стоить карьеры и повлечь за собой отчисление из университета, выговор, исключение из КПСС или увольнение, стали основой формирования идентичности научно-академической интеллигенции в позднем СССР? Претензии на элитный статус в условиях ограниченной вертикальной мобильности при снижении привлекательности официальных институтов и стратегий социализации, а также связанных с ними ценностей и символов находят выражение в практиках престижного потребления и поведения [15, с. 261], специфика которых состоит в том, что участие в них ограничено или вовсе запрещено для внеэлитных социальных групп. «В СССР к такого рода практикам относилось как получение дефицита через спецраспределители и столы заказов, так и доступ к запрещенной (“антисоветской” или “буржуазной”) литературе, в том числе и самиздату, “идеологически вредным” фильмам, музыкальным произведениям. Относительно высокая доля в престижном (по-советски) потреблении объектов и практик, относящихся к духовной сфере (чтение книг или, по крайней мере, обладание ими, прослушивание музыкальных произведений, посещение модных постановок и художественных выставок), объясняется тем, что демонстрация материального достатка и богатства могла вызвать санкции со стороны государства» [19, с. 613, 614]. Кроме того, в СССР с 1930-х гг. именно приобщение к «культурному» образу жизни было одним из главных показателей высокого социального статуса [4].

Примечательно, что и партийно-государственная элита СССР была хорошо знакома с официально порицаемыми образцами «буржуазной» культуры. Исследователь советских партийно-государственных элит Э. Модсли, перечисляя привилегии членов ЦК КПСС, упоминает, что наряду со скрытыми от посторонних глаз особняками с изысканной кухней и винами, женщинами, «единственными достоинствами которых была молодость

и красота», к таковым относились также «иностранные газеты и журналы, произведения искусства, зарубежные поездки» [14, с. 358, 359].

Кроме рассмотренных выше проявлений критической позиции по отношению к политике государства, в среде советской научно-академической интеллигенции широкое распространение получили и иные практики демонстрации собственного элитного статуса в форме символического дистанцирования от привычного социального окружения: изучение иностранных языков, достаточно активные (по сравнению с подавляющим большинством населения СССР) и очень высоко ценимые зарубежные контакты. Так, в Институте экономики СО АН СССР со второй половины 1960-х гг. особое внимание уделялось овладению иностранными языками: несколько преподавателей английского языка были приняты в штат, использовались методики погружения в иноязычную среду, когда небольшие группы сотрудников на несколько дней освобождались от своих служебных обязанностей, изолировались от рабочих и семейных дел и полностью посвящали себя изучению иностранного языка [18, с. 33].

Не случайно националистическая идеология не получила преобладания в среде советской научной интеллигенции (в данном случае речь не идет об интеллигенции национальных республик), напротив, подвергалась критике⁷. Подобного рода «космополитизм» научно-академической интеллигенции, с одной стороны, вполне соответствовал традиционным мировоззренчески ценностным установкам элит, которые зачастую «взирали свысока на местные обычаи как на провинциальные, а престиж этнических идентичностей намеренно принижался» [8, с. 166]. С другой стороны, интернационалистская идеология контрастировала с этнонационалистическими и ксенофобскими настроениями, получившими широкое распространение в партийно-государственном аппарате СССР с конца 1930-х гг. [13, с. 281–298].

Выводы

Критические настроения в среде позднесоветской научно-академической интеллигенции, институциональной основой которых стали закрытые для посторонних сети взаимодействия, стали средством конструирования собственной социокультурной идентичности как элитной группы, выступая в качестве практик престижного потребления и поведения. На самоидентификацию ученых как элитной группы советского общества оказали влияние социальные условия развития науки в СССР в

⁷ Здесь уместно вспомнить, например, «общественный суд над антисемитами», состоявшийся в новосибирском Академгородке в 1966 г., осудивший студентов университета, расклеивавших в университетском общежитии листовки антисемитского содержания, и получивший достаточно широкий резонанс именно в силу своей нетипичности для общей атмосферы того времени.

1950–1960-е гг., в частности, высокий престиж научной и академической деятельности, повышенные общественные ожидания от науки, а также создание особой среды для плодотворных научных исследований относительно автономных научных центров, в которых ученые занимали привилегированное положение, а партийно-государственный контроль был несколько слабее в силу политико-административного статуса таких центров.

Литература

1. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 429 с.
2. *Водичев Е.Г.* Всегда ли «Понедельник начинается в субботу», или мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Ст. 2. Реалии // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2, т. 1. – С. 28–50. – DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-28-50.
3. *Водичев Е.Г., Куперштох Н.А.* Первое десятилетие истории Новосибирского научного центра: институциональные коллизии и судьбы научных лидеров // Социологический журнал. – 2002. – № 2. – С. 58–75.
4. *Волков В.В.* Концепция культуры, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. – 1996. – № 1–2. – С. 194–213.
5. *Волков С.В.* О составе советских «статусных» ученых. – URL: <https://salery.livejournal.com/182912.html> (дата обращения: 17.05.2022).
6. *Дашкова Т., Орлова Г.* Дресс-код советского физика-ядерщика (в 110 фотографиях) // Радио Arzamas. – URL: <https://arzamas.academy/materials/2215> (дата обращения: 17.05.2022).
7. *Дорошенко В., Коршевер И., Матизен В.* Новосибирский научный центр: есть ли стратегическая альтернатива? // Отечественные записки. – 2002. – № 7. – С. 259–272. – URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/7/novosibirskij-nauchnyj-czentr-est-li-strategicheskaya-alternativa.html> (дата обращения: 17.05.2022).
8. *Коллинз Р.* Макроистория: очерки социологии большой длительности. – М.: УРСС: Ленанд, 2015. – 504 с.
9. *Кузнецов И.С.* Академгородок в 1968 году: «Дело 46-ти» в зеркале документов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2007. – Т. 6, вып. 1. – С. 233–238.
10. *Марчук О.Н.* Сибирский феномен. Академгородок в первые двадцать лет. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 236 с.
11. *Матюшкин В.Ф.* Повседневная жизнь Арзамаса–16. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 424 с.
12. *Мельникова Н.В.* Творцы советского атомного проекта в режимных городах // Режимные люди в СССР. – М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – С. 49–66.
13. *Митрохин Н.* Этнонационалистическая мифология в советском партийно-государственном аппарате // Отечественные записки. – 2002. – № 3. – С. 281–298.

14. *Модсли Э., Уайт С.* Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. – М.: РОССПЭН, 2011. – 429 с.
15. *Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М.: РОССПЭН, 2011. – 735 с.
16. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 1999. – 683 с.
17. *Сигман К.* Политические клубы и перестройка в России: оппозиция без диссидентства. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 472 с.
18. Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред.: Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 1999. – 736 с.
19. *Филиппов С.И.* Критические настроения в среде позднесоветской научно-академической интеллигенции как элитные практики // Исторический путь России: из прошлого в будущее: материалы международной научной конференции: в 3 т., Санкт-Петербург, 2 апр. 2021 г. – СПб., 2021. – Т. 1. – С. 610–615.
20. *Хандожко Р.И.* Территория политической аномалии: партийная жизнь в советском атомном городе 1950–1960-х годов // Шаги-Steps. – 2016. – № 1, т. 2. – С. 167–169.
21. *Черкасов А.* Насылающий ветер // Полит.ру: сайт. – 2004. – 04 апреля. – URL: <https://polit.ru/article/2004/04/04/lyubarsky/> (дата обращения: 17.05.2022).
22. *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. – М.: РОССПЭН, 2015. – 863 с.
23. *Garcelon M.* Revolutionary Passage. From Soviet to Post-Soviet Russia, 1985–2000. – Temple University Press, 2005. – 312 p.
24. *Reddaway P.* Uncensored Russia: Protest and Dissent in the Soviet Union. – New York: American Heritage Press, 1972. – 499 p.
25. *Rogachena M.A.* The private world of soviet scientists from Stalin to Gorbachev. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – XI, 211 p.
26. *Rothberg A.* The Heirs of Stalin: Dissidents and the Soviet Regime, 1953–1970. – Ithaca: Cornell University Press, 1972. – 450 p.
27. *Shatz M.S.* Soviet Dissent in Historical Perspective. – New York: Cambridge University Press, 1980. – 214 p.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022.

Статья прошла рецензирование 27.02.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-68-85

CRITICAL ATTITUDES AMONG THE SOVIET SCIENTIFIC AND ACADEMIC INTELLIGENTSIA IN THE HISTORICAL AND SOCIO-CULTURAL CONTEXT OF 1960–1990s

Filippov, Sergey,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Deputy Director of the Humanities Institute

Novosibirsk State University,

2 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

SPIN-code (RSCI): 4743-5183

Author ID (RSCI): 113556

filippow07@yandex.ru

Abstract

The article deals with investigating into the conditions of the critical attitude spread among scientists and academicians during the period of 1960s–1990s towards some aspects of domestic and foreign state policy of that time. At the same time, the motives for such a criticism seem not to be obvious, since the social status and well-being of the scientific and academic intelligentsia, as well as its public prestige, was one of the highest among the socio-professional groups of Soviet society. To perceive criticism of Soviet scientists as a form of struggle against the regime does not seem entirely correct, since the critically thinking Soviet scientists did not seek to popularize their socio-political ideas and attract supporters from other social groups. On the contrary, the discussion on “complex” political and socio-economic aspects of the Soviet society took place within closed communities. In addition, the Soviet scientific intelligentsia of that time, unlike the pre-revolutionary intellectuals, did not idealize people; they did not have a sense of “guilt” towards it, as well as the idea of selfless “serving the people”. Soviet scientists perceived themselves as an elite, even aristocratic group, and this idea found expression in the science-fiction novel “Hard to Be a God” by the Soviet writers Arkady and Boris Strugatsky. The main character of the novel is the historian Anton, who was sent to the Arkanar Kingdom on an alien planet and assumed the role of an aristocrat named Don Rumata. He masterfully uses a sword, enjoys phenomenal success with women and contributes to the progress of local humanity. The Soviet intellectuals of that time constructed their own elite professional and social identity using the practices of prestigious consumption and behavior and pursuing specific socialization strategies that were alternative to the official Soviet norms and rules of behavior. The self-identification of scientists as an elite group within the Soviet society was based on the social conditions for the development of science in the USSR in the 1950s–1960s such as a high level of prestige of scientific and academic activities, high expectations from science as well as creating relatively autonomous scientific centers (“Academic Town” or ZATO (closed administrative-territorial

formation) – closed towns with secret research installations). Such settlements were quite independent from the local and regional authorities being subordinated directly to Moscow. Besides, secrecy of closed cities or facilities limited the possibilities of the direct control and interference from regional party and state authorities in the activities of scientific institutions and scientists.

Keywords: Soviet scientific and academic intelligentsia, Russian liberal intelligentsia of the early XX century, elites, loyalty, critical attitude to state policy, prestigious consumption and behavior.

Bibliographic description for citation:

Filippov S. Critical Attitudes among the Soviet Scientific and Academic Intelligentsia in the Historical and Socio-Cultural Context of 1960–1990s. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 2, pt. 1, pp. 68–85. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-68-85.

References

1. Vail' P., Genis A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The world of the Soviet man]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 429 p.
2. Vodichev E.G. Vsegda li «Ponedel'nik nachinaetsya v subbotu», ili mify i realii sibirskoi «Novoi Atlantidy». St. 2. Realii [Is it always “Mondays begins on Saturday”? Or Myths and realities of the Siberian “New Atlantis”. Pt. 2. Realities]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2018, no. 2, vol. 1, pp. 28–50. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-28-50.
3. Vodichev E.G., Kupershtokh N.A. Pervoe desyatiletie istorii Novosibirskogo nauchnogo tsentra: institutsional'nye kollizii i sud'by nauchnykh liderov [The first decade the history of novosibirsk scientific center: institutional collisions and the life trajectories of leading scholars]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 2002, no. 2, pp. 58–75.
4. Volkov V.V. Kontsepsiya kul'turnosti, 1935–1938 gody: sovetskaya tsivilizatsiya i povsednevnost' stalinskogo vremeni [Conception of cultureness: soviet civilisation and everyday life of stalin's time]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 1996, no. 1–2, pp. 194–213.
5. Volkov S.V. O sostave sovetskikh «statusnykh» uchennykh [On the composition of Soviet “status” scientists]. Available at: <https://salary.livejournal.com/182912.html> (accessed 17.05.2022).
6. Dashkova T., Orlova G. Dress-kod sovetskogo fizika-yadershchika (v 110 fotografiyakh) [Dress code of a Soviet nuclear physicist (in 110 photographs)]. *Radio Arzamas*. (In Russian). Available at: <https://arzamas.academy/materials/2215> (accessed 17.05.2022).
7. Doroshenko V., Korshever I., Matizen V. Novosibirskii nauchnyi tsentr – est' li strategicheskaya al'ternativa? [Novosibirsk Research Center – Is there a strategic alternative?]. *Otechestvennye zapiski*, 2002, no. 7, pp. 259–272. (In Russian). Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/7/novosibirskij-nauchnyj-czentr-est-li-strategicheskaya-alternativa.html> (accessed 17.05.2022).

8. Collins R. *Macrobistory: Essays in the Sociology of the Long Run*. Stanford University Press, 1999 (Russ ed.: Kollinz R. *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti*. Moscow, URSS Publ., 2015. 504 p.).
9. Kuznetsov I.S. Akademgorodok v 1968 godu: «Delo 46-ti» v zerkale dokumentov [Akademgorodok in 1968: “The Case of Forty-Six” in the mirror of documents]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya = Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*, 2007, vol. 6, iss. 1, pp. 233–238.
10. Marchuk O.N. *Sibirskii fenomen. Akademgorodok v pervye dvadtsat' let* [Siberian phenomenon. Akademgorodok in the first twenty years]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1997. 236 p.
11. Matyushkin V.F. *Povsednevnyaya zhizn' Arzamasa-16* [Everyday life of Arzamas-16]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2007. 424 p.
12. Mel'nikova N.V. Tvortsy sovetskogo atomnogo proekta v rezhimnykh gorodakh [Creators of the Soviet nuclear project in regime cities]. *Rezhimnye lyudi v SSSR* [Regime people in the USSR]. Moscow, ROSSPEN Publ., Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yeltsina Publ., 2009, pp. 49–66.
13. Mitrokhin N. Etnonatsionalisticheskaya mifologiya v sovetskom partiino-gosudarstvennom apparate [Ethno-nationalistic mythology in the Soviet party-state apparatus]. *Otechestvennye zapiski*, 2002, no. 3, pp. 281–298. (In Russian).
14. Mawdsley E., White S. *The soviet elite from Lenin to Gorbachen. The Central Committee and its members, 1917–1991*. Oxford University Press, 2000 (Russ ed.: Modslj E., Uait S. *Sovetskaya elita ot Lenina do Gorbacheva: Tsentral'nyi Komitet i ego chleny, 1917–1991 gg.* Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 429 p.).
15. Rozov N.S. *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategii Rossii v XXI veke* [Track and Pass: the Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 735 p.
16. Batygin G.S., Yarmolyuk S.F., eds. *Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh* [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents]. St. Petersburg, Russkii khristianskii gumanitarnyi institut Publ., 1999. 683 p.
17. Sigman C. *Clubs politiques et perestroïka en Russie*. Paris, Recyberches internationales, 2009 (Russ ed.: Sigman K. *Politicheskie kluby i perestroïka v Rossii: oppozitsiya bez dissidentstva*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 472 p.).
18. Zaslavskaya T.I., Kalugina Z.I., eds. *Sotsial'naya traektoriya reformiruemoi Rossii: issledovaniya Novosibirskoi ekonomiko-sotsiologicheskoi shkoly* [Social trajectory of reformed Russia: Studies of the Novosibirsk School of Economics and Sociology]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1999. 736 p.
19. Filippov S.I. [Critical attitude among the late Soviet scientific and academic intelligentsia as elite practices]. *Istoricheskii put' Rossii: iz proshlogo v budushchee: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The historical path of Russia: from the past to the future. Materials of the international scientific conference]. St. Petersburg, 2021, vol. 1, pp. 610–615. (In Russian).
20. Khandozhko R.I. Territoriya politicheskoi anomalii: partiinaya zhizn' v sovetskom atomnom gorode 1950–1960-kh godov [Territory of political anomaly: Party

life in a Soviet atomic city in the 1950s – 1960s]. *Shagi = Steps*, 2016, vol. 2, no. 1, pp. 167–169.

21. Cherkasov A. Nasylyayushchii veter [That who sends the wind]. *Polit.ru*: website, 2004, 4 April. (In Russian). Available at: <https://polit.ru/article/2004/04/04/lyubarsky/> (accessed 17.05.2022).

22. Shelokhaev V.V. *Konstitutsionno-demokraticeskaya partiya v Rossii i emigratsii* [Constitutional Democratic Party in Russia and emigration]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015. 863 p.

23. Garcelon M. *Revolutionary Passage. From Soviet to Post-Soviet Russia, 1985–2000*. Temple University Press, 2005. 312 p.

24. Reddaway P. *Uncensored Russia: Protest and Dissent in the Soviet Union*. New York, American Heritage Press, 1972. 499 p.

25. Rogacheva M.A. *The private world of soviet scientists from Stalin to Gorbachev*. Cambridge, Cambridge University Press, 2017. XI, 211 p.

26. Rothberg A. *The Heirs of Stalin: Dissidents and the Soviet Regime, 1953–1970*. Ithaca, Cornell University Press, 1972. 450 p.

27. Shatz M.S. *Soviet Dissent in Historical Perspective*. New York, Cambridge University Press, 1980. 214 p.

The article was received on 07.02.2022.

The article was reviewed on 27.02.2022.